

была применена геохимическая разведка, основанная на специально разработанном предприятием «Форт» экспресс-методе фосфатного анализа микропроб грунта. Фосфаты обычно сопутствуют остаткам органических веществ. В том месте, где концентрация фосфатов была особенно велика, датские археологи под руководством Оле Щорринга начали вскрытие почвы и очень скоро вышли на погребения. Были обнаружены останки шести членов экипажа пакетбота. «Все погребения совершены по христианскому обряду, головой на запад, в неглубоких ямах. Какой-либо инвентарь, детали одежды и обуви, кроме незначительных фрагментов тлена, отсутствовали. Исключением явились оловянный и серебряный кресты-тельники в двух погребениях. Единственное захоронение, совершённое в сколоченном из листовенничных досок ящике, очевидно, в соответствии с письменными источниками следует идентифицировать как могилу капитана-командора Витуса Беринга, умершего 8 декабря 1741 года» (14).

На месте раскопок была проведена предварительная консервация черепов и сделаны гипсовые слепки *in situ*. Останки, изъятые в блоках вместе с грунтом почвы, транспортировали на корабле в г. Петропавловск-Камчатский. В лаборатории Петропавловска были выполнены предварительные исследования: расчистка скелетов, выделение костей и их консервация, рентгенография. Медицинские исследования костного материала шести членов Второй Камчатской экспедиции проводились под руководством антрополога-криминалиста, профессора, доктора медицинских наук В. Н. Звягина в НИИ судебной медицины (г. Москва). Идентификация останков была проведена уже на уровне археологических исследований. Было установлено, что это были погребения штурмана Андреаса Эйзельберга, подшкипера Никиты Хотяинцова, прапорщика Ивана Лагунова, морского солдата Фёдора Панова, морского гренадёра Ивана Третьякова (15). Судебно-медицинская идентификация позволила определить расу и пол, длину тела, телосложение и возраст, следы заболеваний и травм. Относительно останков, идентифицированных как останки Витуса Йонассена Беринга, было установлено, что это был мужчина среднеевропейского расового типа большой европеоидной расы, умерший в возрасте 61,5 + 5 лет, с длиной тела 170,5 + 1,42 см, с массой тела 73,6...78,6 кг, с классическим вариантом массивности скелета, мускульным телосложением (16). Как итог исследований профессором В. Н. Звягиным совместно с ассистентом М. Е. Березовским была выполнена пластическая реконструкция подлинного облика мореплавателя Витуса Беринга. В дополнение была выполнена идентификация Витуса Беринга по признакам внутрисемейного сходства его потомков. По изображениям достоверно известных прямых потомков Витуса Беринга в V–X поколениях выделен комплекс из 39 общих и 11 частных признаков внешности. Этот комплекс признаков составляет родовой фенотип Берингов. Идентификационная значимость такого комплекса признаков внешности исключает возможность случайного совпадения и свидетельствует об их генетическом тождестве. Установлено, что между черепом В. И. Беринга и хрестоматийным портретом общими являются только половина из 34 сравниваемых признаков. Это исключает принадлежность черепа и портрета одному лицу, но вместе с тем свидетельствует о принадлежности их к одному определённом роду (17).

В 1992 г. пластическая реконструкция облика Витуса Й. Беринга, гипсовая отливка его костяка, муляжи двух крестов-тельников, найденных в захоронениях, а также серия фотографий, в которых зафиксирована работа археологов в ходе экспедиции «Беринг-91» были переданы в фонды Камчатского областного краеведческого музея. В этом же году останки В. Беринга и пяти членов экипажа «Святого апостола Петра» были возвращены на Камчатку, а затем на о. Беринга, где в бух. Командор были преданы земле. Перезахоронение сопровождалось торжественным церемониалом прощания с отданием воинских почестей русским мореплавателям, совершившим в XVIII в. великие открытия в Тихом океане.

Это событие засвидетельствовано в музейной коллекции негативов и фотографий. Для перезахоронения на судоремонтном заводе ВМФ в пос. Приморском Камчатской области было изготовлено шесть металлических водонепроницаемых капсул, в которые поместили документацию о проведённой медико-криминалистической идентификации. Капсулы были приложены к преданным земле останкам. Капсула, выполненная в качестве образца, была передана в музей.

В настоящее время коллекция материалов Командорского лагеря о. Беринга 1741–1742 гг. является одной из наиболее исторически значимых в собрании Камчатского краевого объединённого музея. В ней представлены уникальные реликвии, свидетели географических открытий в северной части Тихого океана, сделанных русскими мореплавателями в XVIII в.; материальные памятники Командорского лагеря русских мореплавателей 1741–1742 гг.; научные отчеты поисковых экспедиций; а также документы, публикации, фотографии и негативы, позволяющие расширить представление об уходящих в историю событиях.

Большая часть исторических реликвий из материалов Командорского лагеря Витуса Беринга представлена в постоянной экспозиции музея. В полном объёме коллекция экспонировалась на временных выставках «Памяти Командора» в 1995–1996 гг. и «Что там за морем-океаном?» в 2011 г.

1. Звягин В. Н., Мусаев Ш. М., Станюкович А. К. Витус Йонассен Беринг (1681–1741). Медико-криминалистический портрет. Баку, 1995. 264 с.
2. ККМ. НВФ. 2480. С. 6.
3. Леньков В. Д., Силантьев Г. Л., Станюкович А. К. Командорский лагерь экспедиции Беринга. М.: Наука, 1988. С. 24.
4. Там же.
5. ККМ. ГИ. 30819; КОКМ. ОФ. 32128.
6. Бондарева Н. А. Семь недель на Командорах. Петропавловск-Камчатский, 1966. С. 9.
7. Там же. С. 17.
8. Леньков В. Д. и др. Указ. соч. С. 57.
9. Там же. С. 94.
10. Там же. С. 101.
11. ККМ. ГИ. 30476. С. 2.
12. ККМ. НВФ. 2480. С. 29.
13. Там же. С. 16.
14. ККМ. ГИ. 30476. С. 26.
15. Там же. С. 27.
16. Там же. 30566.
17. Там же. 30560. С. 157.; Звягин В. Н. и др. Указ. соч. С. 186.

Л. И. Ромашенко
ГЕРАРД ФРИДРИХ МИЛЛЕР:
ПОРТРЕТ ИСТОРИЧЕСКИЙ И ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ

Герард Фридрих Миллер (1705–1783) принадлежит к известному немецкому роду. Родился Герард (Гергард) в Вестфалии, в семье ректора Герфордской гимназии, в которой получил начальное образование. Уже в гимназические годы у юноши появилась страсть к истории. Впоследствии учился в Лейпцигском университете. В 1725 г. Миллер приезжает в Россию и становится преподавателем латинского языка, истории, географии в академической гимназии. В 26 лет он получил звание профессора.

В это время была снаряжена Вторая Камчатская экспедиция во главе с В. Берингом, организованная российским Правительствующим Сенатом, Синодом и Академией наук и за грандиозные масштабы исследований названная Великой Северной. Ее открытия в разных отраслях научного знания положили начало академическому сибиреведению и имели мировое значение. Особая роль в изучении истории и этнографии сибирских народов принадлежит Сухопутному отряду (Академической экспедиции), в состав которого вошли ученые, студенты, адъютанты, геодезисты, живописцы, ремесленники, рабочие, солдаты. Участники экспедиции И. Г. Гмелин, Г. В. Стеллер, Я. И. Линденау, С. П. Крашенинников навсегда оставили свои имена в науке. Неофициальным руководителем отряда был Г. Ф. Миллер. Однако на Камчатку он не попал из-за болезни, о чем узнаем из его автобиографии: «Многие оные труды причинили мне в Якуцке тяжкую ту гипохондрическую болезнь, которая препятствовала мне ехать до Камчатки, от которой я и по возвратном моем приезде несколько лет еще весьма сильно страдал в Санкт-Петербурге. Хотя я и не был на Камчатке, но от того никакого упущения не последовало. Господин Гмелин и я послали туда студента Крашенинникова, а потом господина адъютанта Стеллера, коих мы снабдили общими наставлениями, по коим они все нами им препорученное и исполнили» (1, с. 152). Поэтому Миллер около десяти лет (1733–1743) находился в самых важных пунктах Восточной и Западной Сибири, изучал этнографию инородцев, занимался археологией. Он тщательно исследовал архивы (открыл сибирскую летопись Ремезова), копировал документы, сохраняя для науки большое количество архивных материалов. Оригиналы некоторых из них позже были потеряны (в фондах Эрмитажа сохраняется единственная уцелевшая находка, привезенная Миллером из Сибири, – бронзовый акваманил с изображением сцены борьбы рыцаря с драконом – уникальное творение западно-европейского художественного бронзового литья (2, с. 123–129). Вот как характеризуют многогранную деятельность Миллера инициаторы издания его «Истории Сибири» Е. П. Батянова, С. И. Вайнштейн: «Энциклопедический характер научного творчества ученого поражает своим многообразием. История и архивное дело, этнография и археология, география, филология и источниковедение, издательская работа – таков круг его активной научной и общественной деятельности» (3, с. 5). Именно ему и его друзьям по Сухопутному отряду принадлежат этнографические описания многих сибирских народов. Его справедливо называют «отцом сибирской

истории». Поэтому российские ученые активно обращаются к неисчерпаемому наследию Миллера, изучению которого посвящено значительное количество публикаций, среди которых наиболее значимые труды А. Андреева (4), С. Бахрушина (5). Эти двое ученых на протяжении многих лет сотрудничали, издавая «Историю Сибири» – фундаментальный труд Г. Ф. Миллера.

Миллер писал историю российских мореплавателей открытий между Камчаткой и Америкой. Под его наблюдением вышло «Описание земли Камчатки» С. П. Крашенинникова, в которое вошли также предисловие Миллера и части сложенной им карты Сибири. Напряженный труд подорвал здоровье ученого, но даже пораженный параличом, он продолжал работать, выдавал труды российских ученых. И хотя сам уже не мог трудиться, как раньше, но подготовил себе достойных учеников (Н. Н. Бантыш-Каменский).

Научное наследие Миллера известно и украинским ученым, но отношение к нему неоднозначно. В первую очередь украинских историков интересует обоснованная им теория норманнского происхождения Руси, изложенная в докладе «О происхождении имени и народа русского», озвученном на торжественном заседании Академии. В докладе, ссылаясь на летопись «Повесть временных лет», Миллер подчеркивал, что Русь учредили варяги – германо-скандинавская народность, известная как викинги или норманны. Таким образом, подчеркивалась важность германских влияний.

Однако реакция на выступление была непредвиденной. По этому поводу Миллер писал: «В 1749 г. написал я на латинском языке сочинение о начале русского народа и имени, переведенное и на русский язык и напечатанное на обоих языках. Сие сочинение было определено для прочтения в публичном академическом собрании; но по особливому происшествию учинилось в том препятствие, и сие сочинение не обнародовано» (1, с. 153).

М. Ломоносов, С. Крашенинников считали речь «предосудительною России», обвиняя автора в том, что «во всей речи ни одного случая не показал к славе русского народа, но только упомянул о том больше, что к бесславию служить может, а именно: как их многократно разбивали в сражениях, где грабежом, огнем и мечом пустошили и у царей их сокровища грабили. А напоследок удивления достойно, с какой неосторожностью употребил экспрессию, что скандинавы победоносным своим оружием благополучно себе всю Россию покорили» (6, с. 300). Нетерпимость, с которой был принят доклад, объясняется, очевидно, тогдашними отношениями России и Швеции, но никоим образом не ксенофобией или «ложно понимаемым патриотизмом» (7, с. 194) Ломоносова, хотя тот и доказывал первоочередную роль славян в создании Киевской Руси. В. Фомин аргументирует мысль, что Ломоносов, будучи противником преувеличения роли скандинавов в истории Древней Руси, руководствовался поиском объективной истины (за три года до дискуссии он поддержал немца Миллера в научном споре с россиянином П. Крекшинным): «Нельзя, наконец, забывать, что организатором обсуждения сочинения Миллера, которое он назвал галиматьей, был немец И. Д. Шумахер, а не русский Ломоносов» (8, с. 248).

Скандал вокруг речи Миллера повлиял на него, «он после ряда жестоких испытаний, которые на него навлекла его горячность, стал более осмотрительным и осторожным; с годами осторожность перешла в трусость» (5, с. 61).

В конце XIX – начале XX в. норманнскую теорию поддерживали большинство западных и некоторые российские историки, но украинские историки Н. Костомаров и М. Грушевский придерживались антинорманнской точки зрения. Несостоятельной считали эту теорию и в советский период. Диаспорные историки (О. Субтельный, О. Прицак) пытаются найти компромисс, считая возникновение Киевской Руси «достижением не какой-то отдельной этнической группы, а результатом сложного славяно-скандинавского взаимодействия» (9, с. 35).

В украинской литературе художественным отрицанием теории норманнского происхождения Руси является драма И. Кочерги «Ярослав Мудрый». Киевский князь отстаивает национальную самобытность страны. Хотя сам он наполовину варяг, но с гордостью идентифицирует себя с русичами. Варяги для него – чужие люди. Таким образом, И. Кочерга дает отпор фашистским идеологам, утверждающим, что славяне, призывающие на княжение германских военачальников, не способны к созданию государства, а поэтому, мол, самой судьбой арийцам суждено править «более низкой славянской расой».

В последнее время в украинской историографии растет интерес к наследию Миллера. Украинских ученых интересуют труды Миллера о Малороссии и запорожских казаках.

Заинтересованность личностью Миллера – и в литературе. Впервые обратился к этой фигуре поэт-декабрист К. Рылеев в поэме «Войнаровский» (1825). Тема поэмы разработана на основе рассказов Миллера о встрече с Войнаровским в Якутске, где последний находился в ссылке вместе со своей семьей. Эти рассказы в «Истории Малой России» приводит Д. Бантыш-Каменский, который их, очевидно,

сам слышал (10, с. 65–84). В основе сюжета «Войнаровского» – исповедь племянника и сподвижника Мазепы перед историком.

Рылеев с пиететом отзывается об историке, трудившемся на благо науки: «В то время жил наш Миллер славный: / В укротном домике, в тиши, / Работал для веков в глуши, / С судьбой боролся своенравной / И жажду утолял души» (11, с. 170). Историк показан кропотливым собирателем ценного научного материала («В сей край пустынный завлечен / К познаниям страстию высокой...»), влюбленным в суровую, но прекрасную природу сибирского края, обычаи его жителей («Здесь наблюдал природу он. / В часы суровой непогоды / Любил рассказы стариков / Про Ермака и Козаков, / Про их отважные походы... / Бродил по целым он часам / По океану снеговому... / Следил, как солнце яркий пламень / Разлив по тверди голубой, / На миг за Кангалацкий камень / Уходит летнею порой. / Все для пришельца было ново: / Природы дикой красота, / Климат жестокий и суровый / И диких нравов простота» (11, с. 170). Топонимы «Якутск», «Лена», «Кангалацкий камень» придают произведению географическую конкретику.

Со страниц поэмы Миллер предстает еще и рьяным охотником (возможно, это лишь художественный прием для создания более полнокровного человеческого характера). Во время преследования оленя в охотничьем азарте он сбился с пути и встретился со странным ссыльным – им оказался Войнаровский: «В какое ж Миллер удивленье / Был незнакомцем приведен, – / И кто бы не был поражен: / Стран европейских просвещенье / В лесах сибирских встретил он!.. / Впервые мог тоску души / Отвесьть беседой просвещенной» (11, с. 172). В историческом «Жизнеописании Войнаровского» А. Бестужева – иная версия: «Миллер, в бытность свою в Сибири в 1736 и 1737 годах, видел его в Якутске, но уже одичавшего и почти забывшего иностранные языки и светское обхождение» (12, с. 166–167). Таким образом, Рылеев полемизирует с историками.

Художественное воображение поэта-декабриста рисует Миллера единомышленником Войнаровского. Рассказ племянника Мазепы об Украине поразил ученого, и под воздействием этих рассказов последний становится безразличным к ее судьбе: «В пустыне странник просвещенный / Страдальца часто навещал, / Тоску и грусть с ним разделял / И об Украине незабвенной, / Как сын Украины, он мечтал» (11, с. 192).

Симпатия Рылеева к выдающемуся историку проявляется и в обширных комментариях к поэме, являющихся, по сути, биографией ученого. Но именно в изображении Миллера Пушкин увидел художественные просчеты Рылеева, с которыми тот согласился (13, с. 304).

Современные украинские писатели тоже обращаются к личности Г. Ф. Миллера, но оценивают его деятельность иначе, нежели Рылеев. Так, в романе Р. Иваньчука «Журавлиный крик» (1988) действует эпизодический образ придворного историографа, который пыгается «искажать двухсотлетнюю историю казачества» (14, с. 57). Его труд об истории казачества – «Размышления о Запорожье» – писатель считает далеким от объективности, поскольку историк считает казачество не войском, а «сбродом» вооруженных «дезертиров и воров», украинский народ – разнузданным людом, лишенным любой общественной дисциплины, универсалы Б. Хмельницкого – поддельными. Такую концепцию осуждает в пламенной дискуссии с Миллером Николай Новиков (а с ними и автор). Вообще, Миллер появляется в одном эпизоде – встречи с Новиковым в аристократической остерии. Новиков активно выступает против распространения крепостничества на юг, порабощения украинских казаков. Иллюстрируя победы украинского казачества в российско-турецкой войне, он пытается убедить своего оппонента, что такие подвиги могли совершить лишь настоящие рыцари, а не рабы («раб за кандалы воевать не захочет» (14, с. 60). Однако Миллер – иного мнения. Для него Запорожские Вольности не имеют права на существование, ибо подают плохой пример народам Российской империи; мол, история украинских казаков создавалась искусственно, а в действительности является производной от истории российской монархии. Украинские казаки – не рыцари, они «подговором и обманом» заманивают к себе не только малороссов, но и татар, великороссов, иудеев, которым дают пристанище и оружие; «это разнузданные и разноверные бездельники, что не пашут, не сеют, а грабят и никаких писаных законов не имеют» (14, с. 60). Новиков – поклонник радикальных идей, а Миллер, как придворный историк, остерегается «призывов к бунту». Новиков, хоть и считает Миллера «скрупулезным историком», негативно оценивает его труды о запорожском казачестве, считая их «прокурорским актом», способствующим порабощению запорожских казаков.

Моделируя такой образ Миллера, Р. Иваньчук, вероятно, опирался на некоторые критические оценки историком украинского казачества и отдельных его вождей. Казаков историк относит к представителям «необузданного, к непрестанным набегам и добычам обывкаго, и дерзость за вольность почитающаго, народа...» (15, с. 4). О Конашевиче-Сагайдачном пишет: «Его поступки подали причину къ конституциямъ 1609 году о удержании Козацкаго самовольства, 1611 году о неупотреблении Козаков

при Королевском войске для их непослушания, разве в случае крайней надобности, 1613 году о конечном Козаков искоренении и что каждому начальнику вольно будет с ними поступать, как с Государственными злодеями» (15, с. 6).

Но отрицательные характеристики казачества мы находим и у некоторых украинских историков и писателей. К примеру, П. Кулиш из пылкого поклонника казачества неожиданно превратился в его фанатичного врага, настоящего казакофоба, который не может вымолвить слово «казак» без самых обидных эпитетов: «разбойники», «голь», «пьяницы», «хамы» и т. д. Не идеализирует казацкой среды и современный украинский писатель Ю. Мушкетик в романе «Яса». Знарок казацкого прошлого Д. Яворницкий также не замалчивает жестокости казацкого войска как неотъемлемой черты тех суровых исторических обстоятельств (16, с. 297–298).

Что же касается самого Миллера, то он объективно относился и к донским казакам (среди них могли быть и украинские), которые в составе отряда Ермака покоряли Сибирь: «Но только строгими наказаниями можно было удержать донских казаков, необузданных в своей вольности, от разбойничьих нападений на чужеземцев. Наглость казаков доходила до того, что они нападали даже на русских послов, ездивших в Персию, причем грабили казну, посылавшуюся царем персидскому шаху...» (1, с. 207–208). Или в другом месте: «...в этом походе уже существовал известный порядок, о котором едва ли можно было предполагать, зная безудержные и неистовые нравы казаков... те или иные проступки наказывались у них очень строго; только грабеж не считался у них преступлением и не наказывался. Казаки смотрели на этот способ добывания средств к жизни как на свое призвание...» (1, с. 213). Подобные высказывания (об этом уже шла речь) Ломоносов считал обидными для России.

Миллер был далек от идеализации украинского казачества, отмечал серьезное социальное неравенство в их среде. Но это не мешало ему уважительно отзываться о казацких предводителях Дм. Вишневецком, Подкове, Косинском, Сверговском и др.

Г. Ф. Миллер играл роль возможного хранителя старых важных официальных документов, необходимых запорожцам в их спорах с правительством. Заметки Миллера «Краткая выписка о малороссийском народе и запорожцах», где предметом внимания ученого стали споры запорожского казачества с правительством за пограничные земли в 50–70-х гг. XVIII в., в свое время использовал Д. И. Яворницкий (17, с. 22–23).

Согласно высказываниям самого Миллера, запорожцы обращались к нему (как авторитетному архивисту) за разъяснениями по поводу подлинности универсала Б. Хмельницкого: «Они сами мне сказали, что подлинник у них потерян; мне мнится, что подлинника и никогда в такой силе, как список гласит, у них не бывало, чему я привел резоны. Не думаю, чтоб онаго утаили, если б у них находился. Я обходился с ними ласково и приятельски. Они же и ко мне некоторую уверенность иметь казались» (15, с. 47).

Для правительства Миллер, как управляющий архивом Коллегии иностранных дел, был официальным историком, своеобразным референтом и консультантом. Так, рассуждение Миллера «О мало-российском народе и запорожцах» было написано по заказу крупного государственного лица, возможно, самого руководителя Коллегии иностранных дел графа Панина. Интерес Миллера к истории запорожского казачества и Украины объясняется, очевидно, не только широтой его научных интересов, но и политическими обстоятельствами – наступлением царизма в середине XVIII в. на автономные права запорожцев. Миллера как сторонника абсолютной монархии беспокоила экономическая самостоятельность запорожцев, историк отчетливо сознавал противоположность социально-политического устройства Сечи самодержавно-крепостническим порядкам России, и это отразилось на его исторических трудах. Таким образом, статьи и заметки Г. Ф. Миллера наряду с работами других авторов XVIII века – С. Мышецкого, В. Рубана, Х. Штофельна – считают «идеологической подготовкой ликвидации Запорожской Сечи» (18).

Все же заслуга Г. Ф. Миллера в том, что он привлек внимание ученых, общественности к истории Украины и казачества, способствовал сбору и сохранению различных исторических материалов по данной тематике. Вот почему О. Бодянский (1808–1877) в предисловии к труду «Исторические сочинения о Малороссии и малороссиянах» аттестовал Миллера как «неутомимаго и умнаго историка», что «ревностно занимался также и историей Малороссии»; что «всем, даже и не занимающимся исключительно историей, любопытно будет познакомиться с ним в совершенно новой для него области. Тем более это важно для самых Малороссиян и их историков. Видно по всему, что судьбы современной Миллеру Малороссии сильно занимали его, и его испытательный ум не мог не углубиться в прошедшее и настоящее положение оной» (19, с. III–IV). Ценность трудов Миллера для украинской исторической науки подтверждает тот факт, что ими как первоисточниками пользовался Д. Бантыш-Каменский (сын ученика Миллера) при написании «Истории Малой России» – первой систематической истории нашего

края. «Исторические сочинения о Малороссии и малороссиянах» Миллера находились в личной библиотеке Т. Шевченко.

На наш взгляд, Миллер был настоящим подвижником на ниве науки, мало заботящимся о личной материальной выгоде. Жил, по его собственному признанию, «очень скромно» (20, с. 7), поскольку деньги шли на приобретение редких книг и рукописей. Это признает и Р. Иванычук в романе «Журавлиный крик»: «Дом Миллера слишком скромный как для официального придворного историографа» (14, с. 57). Лишь незадолго до смерти, в 1783 г., его наградили достойным чином и орденом св. Владимира. Екатерина II велела купить у Миллера его огромное собрание книг, рукописей и других документов, которое сам Миллер характеризовал: «Моя библиотека для России единственная в своем роде, что она обнимает все, что я мог набрать в течение 54 лет, что она заслуживает сохранения для потомства, что ничего из нея не должно пропасть» (20, с. 7). Но вместе с тем, заботясь о судьбе жены и детей после своей смерти, просил, чтоб ему «пожаловано было столько, чтобы он возмог купить деревеньку не в весьма дальнем разстоянии от Москвы около 400 душ» (20, с. 11).

Специальным указом императрицы собрания рукописей были оставлены для вечного сохранения в архиве Коллегии иностранных дел (в настоящее время они находятся в Российском государственном архиве древних актов в Москве (21). С тех пор уже более двух веков из знаменитых «портфелей Миллера» (их 258) ученые черпают сведения по средневековой истории.

1. Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 1. М.: Восточ. лит., 1999. 630 с.
2. Борисенко А. Ю., Худяков Ю. С. Западно-европейский акваманил, привезенный в XVIII веке Г. Ф. Миллером из Сибири // Археология, этнография и антропология Евразии. 2003. № 2 (14). С. 123–129.
3. Батянова Е. П., Вайнштейн С. И. Из истории подготовки нового издания труда Г. Ф. Миллера // Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 1. С. 5–13.
4. Андреев А. И. Труды Г. Ф. Миллера о Сибири // Миллер Г. Ф. История Сибири. М.: Восточ. лит., 1999. Т. 1. С. 66–149.
5. Бахрушин С. В. Г. Ф. Миллер как историк Сибири // Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 1. С. 17–65.
6. Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. Т. XIX. СПб.: Типо-Литография И. А. Ефрона, 1896. С. 300–301.
7. Азбелев С. Н. В. В. Фомин. Ломоносов: Гений русской истории // Отечеств. история. 2008. № 1. С. 194–195.
8. Фомин В. В. Ломоносов: Гений русской истории. М.: Русская панорама, 2006. 463 с.
9. Субтельний О. Украина: История. Киев: Либидь, 1992. 512 с.
10. Бантыш-Каменский Д. Н. История Малой России со времени присоединения оной к Российскому государству при царе Алексее Михайловиче, с кратким обозрением первобытного состояния сего края. М., 1822. Ч. III. С. 65, 84, 87, 104, 135; Ч. IV. С. 49.
11. Рылеев К. Ф. Сочинения. Л.: Худож. лит., 1987. 416 с.
12. Бестужев А. Жизнеописание Войнаровского // Рылеев К. Ф. Сочинения. Л.: Худож. лит., 1987. С. 165–167.
13. Рылеев К. Ф. Сочинения. М.: Правда, 1983. 352 с.
14. Иванычук Р. Журавлиный крик. Киев: ТАСТ-М – X.: Свитовид, 2001. 383 с.
15. Исторические сочинения о Малороссии и малороссиянах Г. Ф. Миллера, бывшего историографа российского. М.: В университетской типографии, 1846.
16. Яворницкий Д. Гетьман Петро Конашевич Сагайдачний // Коли земля стогнала: друга половина XVI – перша половина XVII століття. Киев, 1995.
17. Яворницкий Д. И. История запоризьких козаків. Львов, 1990. Т. 1.
18. Князьков Ю. П. Г. Ф. Миллер о запорожском и украинском казачестве // <http://sites.znu.edu.ua/historySciWorks/1/knyazkov.pdf>. 10.03.11.
19. Бодянский О. Предисловие // Исторические сочинения о Малороссии и малороссиянах Г. Ф. Миллера, бывшего историографа российского. С. III–VI.
20. Князь Н. В. Голицын. Портфели Г. Ф. Миллера. М.: Типография Г. Лисснера и А. Гишеля, 1899. 150 с.
21. РГАДА. Ф. 199. Миллер Г. Ф.

П. В. Рудев ИСТОРИЯ ЯКОРЯ

«Это произошло в самом начале рейса – рассказывает капитан СТР «Чистый» Сергей Андриянов – в районе бух. Наталии, в Беринговом море, где наше судно занималось ловом трески и минтая. В конце мая вместе с рыбой в снюрреводе мы подняли на борт и необычный улов – покрытый ржавчиной и ракушечным наростом якорь. Весь рейс, вплоть до 28 июля 2010 г., когда СТР вернулся на Камчатку, находка лежала на палубе. О том, чтобы избавиться от весьма внушительного балласта,